

Пушкин в Поволжье

Пушкин изучал прошлое своей страны не потому, что хотел знать больше исторических фактов, а потому, что понимал, как без знания прошлого нельзя глубоко осмыслить настоящее и предвидеть будущее...

Он был одним из первых среди русских писателей, поднявших темы из народной жизни, из жизни крестьянских масс. По этому поводу Горький писал: «Поэты до Пушкина совершенно не знали народа... Когда же они изображали в своих стихах мужика, деревню, — они рисовали людей, добродушно подчинявшихся рабству, деревенская жизнь рисовалась ими как сплошной праздник, как мирная поэзия труда. О Разине, о Пугачёве — не вспоминали, это не сливалось с установленным представлением о деревне, о мужике».

...Пугачёвым он начал интересоваться в период михайловской ссылки. Можно утвердительно сказать, что Пушкин первый подошёл к истории Пугачёва с научных позиций. Он первый использовал доступные для него исторические материалы, записки современников Пугачёва, рассказы очевидцев, и всё это использовал не механически, а тщательно, критически.

К работе над массовым собранием материалов о Пугачёве Пушкин приступил вплотную в конце 1832 года или начале 1833 года. Скрывая свои истинные планы и намерения, он просил у властей разрешения о допуске его к архивам военного министерства для написания биографии Суворова. Задолго до этого поэт просил у Николая I разобрать библиотеку Вольтера, находившуюся в Эрмитаже, где могли быть материалы о Пугачёве...

Пушкин не удовлетворился имеющимися в его распоряжении материалами, ему казалось, что и архивного материала, и рукописей недостаточно. Он хотел побывать на местах сра-

жений, найти живых свидетелей, участников и очевидцев крестьянской войны...

Собрав необходимый материал в столице, 22 июля 1833 года поэт обратился к шефу жандармов Бенкендорфу с письмом: «Генерал, обстоятельства вынуждают меня отправиться вскоре на 2 или 3 месяца в моё Нижегородское имение. Я желал бы воспользоваться случаем, чтобы съездить в Оренбург и в Казань, которых я ещё не знаю. Я прошу Его Величество позволить мне осмотреть архивы этих двух губерний».

7 августа 1833 года поэту «всемиловитивейшее» разрешён отпуск на 4 месяца для поездки в Поволжье и Оренбургский край. 12 августа Пушкин получил свидетельство об отпуске и 17 августа был уже в дороге. Через Торжок, Ярополец Александр Сергеевич направился в Москву, куда прибыл 25 августа. Встреча с друзьями долго не задержала его здесь, и 29 августа он направился в Нижний, где четыре дня спустя после отъезда из Москвы осматривал уже исторические древности.

Нижегородский военный и гражданский губернатор Бутурлин к путешественнику отнёсся подозрительно. Оренбургскому губернатору Перовскому Бутурлин с беспокойством пишет: «У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами о Пугачёвском бунте: должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях. Вы

знаете моё к Вам расположение, и почёл долгом Вам посоветовать, чтобы Вы были осторожны».

«Обласканный» Бутурлиным поэт уже 3 сентября отправился в Казань. Мысль о работе над Пугачёвым не покидала Пушкина. На второй день по приезде в Казань, 6 сентября, он принял за работу над седьмой главой «Истории Пугачёва».

В Казани Пушкин встретился с Баратынским. Эта случайная встреча послужила Денису Давыдову поводом для утверждения, что Пушкин и Баратынский вместе собирают материалы.

В Казани Пушкин решил осмотреть места и в городе, и в его окрестностях, где происходили бои правительственных войск с восставшими, и особенно то место, где Пугачёв стоял лагерем под Казанью. Это место находилось в десяти верстах от города по Симбирскому тракту. Пушкин осмотрел его, побывал на арском поле, осмотрел Казанский кремль и места сражений... Пушкин встретился с казанским купцом Крупениковым, 76-летним стариком, который 20-летним юношей попал в плен к Пугачёву. Старик сообщил много интересного, но записей рассказа Крупеникова в бумагах Пушкина не сохранилось.

В Казани Пушкин познакомился со знатоком местного края Ф.К. Фуксом, который, очевидно, сообщил немало любопытного... По просьбе Пушкина Фукс четыре года собирал рукописные материалы, записывал рассказы старожилов и очевидцев

Пугачёва, но Пушкину воспользоваться этими материалами уже не пришлось.

Казанью поэт остался доволен... «Здесь я познакомился со стариками – современниками моего Героя, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону», – писал Пушкин жене...

Рано утром 8 сентября поэт покинул Казань и через Сентово, Бурундуки, Сибирги, Буинск и Шумовку направился в Симбирск.

Симбирск весьма интересовал Пушкина: в этом городе Пугачёв был дважды. Первый раз Пугачёва, арестованного в Малыковке, везли через Сызрань, Симбирск в Казань в декабре месяце 1772 года; после разгрома крестьянской армии пойманного Пугачёва второй раз привезли в Симбирск в начале октября 1774 года, где он пробыл почти до конца месяца.

Пушкина привлекал Симбирск и потому ещё, что здесь родились или провели свои юношеские годы его близкие друзья: декабрист Н.И. Тургенев, друг Пушкина и брат декабриста А.И. Тургенев, русский историограф Н.М. Карамзин и поэт Н.М. Языков. Здесь он надеялся получить письмо от жены Натальи Николаевны и встретиться с близким другом-симбирянином – Николаем Михайловичем Языковым.

Давняя приязнь связывала Александра Сергеевича с Языковым. Это был один из самых любимых его друзей. Ещё в 1824 году, живя в Михайловском, Александр Сергеевич писал Языкову:

*Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует.
Они жрецы единых муз,
Единый пламень их волнует.*

Путешествие, предпринятое Пушкиным в эти края, было вызвано не только стремлением собрать материалы о Пугачёве. Его помыслы были связаны с написанием повести, которую он в одном письме назвал романом.

«В продолжение двух последних лет, – писал Пушкин, – занимался я одними историческими изысканиями, не написав ни одной строчки литературной. Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении и кончить книгу, давно мною

начатую... Это роман, коего большая часть действия происходит в окрестностях Казани». Речь шла о «Капитанской дочке».

В этой повести, как известно, Пушкин трижды упоминает Симбирск. Сюда приезжает молодой Гринёв. Здесь, в Симбирске, в трактире он знакомится с Зуриным, который обыгрывает его на бильярде. Симбирск упоминается также в 13-й главе и в эпилоге «Капитанской дочки».

...Почтовая тройка подвезжала к городу. Пушкина сопровождал его камердинер Ипполит. Кибитка въехала на городскую заставу и понеслась по пыльным улицам, мимо серых, невзрачных домишек. О том, что представлял собою Симбирск того времени, сохранилось яркое свидетельство современника – писателя Ивана Александровича Гончарова, который так описывает Симбирск всего через год после посещения Пушкиным. «Сама наружность города не представляла ничего другого, кроме картины сна и застоя... большей частью деревянные, посеревшие от времени домишки с мезонинами, с садиком, иногда с колонками, окружённые канавками, густо заросшими польной и крапивой, бесконечные заборы. Те же деревянные тротуары с недостающими досками, та же пустота на улицах, покрытых густыми узорами пыли. Вся улица слышит, когда за версту едет телега или стучит сапогами по мостовой прохожий. Так и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонные окна с опущенными шторами и жалюзи, на сонные физиономии, сидящих по домам, попадающие на улицах лица».

Такая картина представилась Пушкину, впервые прибывшему в Симбирск. Остановившись в доме Языковых, Пушкин отправился к Симбирскому губернатору Загряжскому. У Загряжского поэта ожидало письмо от жены, первое из полученных им за время путешествия.

В Симбирске, как и в Казани, поэт прежде всего начал разыскивать старожитов, современников войны, видевших Пугачёва. К.И. Короткова, видевшая Пушкина в Симбирске в доме губернатора, писала: «Однажды осенью (1833 года, между 8-14 сентября) во время урока танцев по зале пронёсся слух что приехал сочинитель А.С. Пушкин... Пушкин, как гово-

рили тогда, приезжал в Симбирск за разыскиванием материалов для своей истории Пугачёвского бунта и, конечно, к своему удовольствию, мог их найти немало, потому что и я помню в Симбирске ещё живых свидетелей этого бунта: в самом Симбирске жил 80-83-летний невзрачный старичок Шувалов, в доме которого и я часто бывала. Мы, бывало, усадемся на скамеечке у его ног и слушаем его рассказы про старое время, про Пугачёва, у которого он был фрейтором, Шувалов удостоился такой чести, вместо того, чтобы быть убитым с прочими помещиками, за то только, что «показался Пугачёву через меру плогавым». Шувалову было тогда 16 лет от роду. К этому пугачёвскому фрейтору, как я тогда слышала, сделал свой визит Пушкин, очевидно, желая послушать его рассказы о Пугачёве».

В Симбирске поэт встречался и с другими свидетелями прошлого.

Проезжая через Симбирск, Пушкин не мог не захватить к своему старому товарищу и другу Н.М. Языкову, посетившему в свою очередь когда-то Пушкина в Михайловской ссылке.

Н.М. Языков восхищался природой, окружавшей его усадьбу: «Зову на светлый пруд, туда, где тень густую сложил к водам нагорный сад...»

11 сентября 1833 года Пушкин въехал в Языково – поместье своего друга. Александр Сергеевич ехал из Симбирска в Языково Московским трактом через Сельдь, Тетюшское, Сиуч, Уржумское, Тагай, Прислониху. К вечеру он прибыл в Языково, но не застал здесь Николая Михайловича. Пушкина встретил старший брат Языкова – Пётр Михайлович, известный геолог и краевед. Коллекции, собранные им, до сих пор хранятся в Ульяновском краеведческом музее.

П.М. Языков был человеком образованным для своего времени. Достаточно сказать, что он был создателем «Симбирского музеума», инициатором создания Карамзинской библиотеки, куда потом была передана в две тысячи томов библиотека Н.М. Языкова. П.М. составил карту почв Симбирской губернии, передал в Симбирский музей большую палеонтологическую коллекцию.

П.М. был женат на сестре декабриста Ивашева – Елизавете Петровне – и сочувственно относился к его участи в Сибири...

В Языкове Пушкин провёл вечер и ночь. Утром он написал жене письмо: «Пишу тебе письмо из деревни поэта Языкова, к которому я заехал и не нашёл дома... Здесь я нашёл старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого полюбил я, как люблю Плетнёва или Нащокина».

На память о своём посещении Пушкин вырезал алмазным перстнем на одном из стёкол окна своё имя. К сожалению, эта реликвия не сохранилась. Утром 12 сентября Пушкин выехал из Языкова. Той же дорогой он поехал в Симбирск. Уныло звенел колокольчик, подвязанный под дугой; скучное общество слуги Ипполита, о дурном характере которого упоминает Пушкин в одном из писем, не делало путешествие привлекательным. Но Александр Сергеевич исколесил почти всю Россию на почтовой тройке, и эта тряска была для него привычной. Он любил ездить, и это отразилось в целом ряде его дорожных стихов.

В ночь на 13 сентября он выехал из Симбирска на Сенгилей, но, по видимому, оттуда повернул обратно в Симбирск. «На третьей станции, — писал он жене, — стали закладывать мне лошадей, гляжу — нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решился я возвратиться и ехать другой дорогой... Повезли меня обратно — я заснул — просыпаюсь утром — что же?

Не отъехали и пяти вёрст. Гора — лошади не везут — около меня человек двадцать мужиков. Чёрт знает, как Бог помог, наконец, въехали мы, я воротился в Симбирск».

Рано утром, 15 сентября, Пушкин другой дорогой отправился в Оренбург и на память о Симбирске нарисовал в свою дорожную книжку Смоленскую гору, дом Н.М. Карамзина и церковь с колокольней.

Пушкин объезжал поволжские города, Оренбургский край, осматривал исторические места, связанные с событиями 1773—1774 годов, расспрашивал о них местных жителей...

18 сентября, сразу же по прибытии в Оренбург, Пушкин встретился со своим старым знакомым, директором Оренбургского военного училища К.Д. Артуховым. В тот день Пушкин уехал на дачу к губернатору Перовскому, в доме которого и ночевал.

Познакомившись с чиновником особых поручений, писателем В.И. Далем, Пушкин вместе с ним и Артуховым отправился для осмотра Оренбургской крепости, где 60 лет назад развёртывались боевые действия восставших.

Особый интерес представляла, конечно, слобода Берда, резиденция Пугачёва во время осады им Оренбурга. О посещении Пушкиным слободы Берды свидетельствует один из краеведов Оренбургского края: «Сидя на крыльчке казачьей избы, Пушкин собрал здесь вокруг себя

казаков и казачек, слушал их песни, смотрел хороводы. Чудная панорама природы, лихие казачьи песни, относительная свобода — всё это вызывало у Пушкина веселье».

«В деревне Берде, — писал поэт жене, — где Пугачёв простоял шесть месяцев... нашёл семидесятипятилетнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобой помним 1830 год. Я от неё не отставал...»

Из рассказов Бунтовой у Пушкина сложилось представление о внешности Пугачёва. Старуха рассказывала о Пугачёве: «Мужик был плотный, здоровенный, плечистый, борода русая, окладистая, ростом не больно высок и не мал».

Пушкин в «Истории Пугачёва» писал, что Пугачёв «был росту среднего, широкоплеч и худошав».

20 сентября поэт из Оренбурга поехал в Уральск, где и пробыл до 23 числа. «Наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду». К счастью, Пушкин встретил в Уральске Д.Д. Пьянова, отец которого очень хорошо знал Пугачёва, как до, так и во время крестьянской войны.

На обратном пути из Уральска в своё Нижегородское имение Пушкин заехал к Языковым. На этот раз все Языковы были дома. В Языкове, в обстановке самой непринуждённой, поэт провёл почти два дня. Гостеприимством Языковых Пушкин был так тронут, что обещал ещё раз навестить симбирские края.

Первого октября поэт приехал в Болдино и сразу же принялся за окончание своей «Истории о Пугачёве», о чём писал жене: «Вот уже неделю, как я в Болдине, привожу в порядок мои записки о Пуг...», а через три дня в другом письме просил передать Плетнёву, чтобы он к его приезду приготовил переписанные из «Собрания Законов» Указы, относящиеся к Пугачёву за 1773—1775 годы. Из всех этих документов и составились «материалы к истории Пугачёва».

В Болдине Пушкин работал очень напряжённо над собранными фактами и материалами по крестьянской войне, и к началу ноября «История Пугачёва» была уже написана.

**Николай Гриценко,
1953 год**

Иллюстрации Анатолия Зыкова

